

Земле якутской памятник живой

Мне уже доводилось писать о первой редакции романа Ивана Переверзина «На ленских берегах», тогда я назвал свою статью «Энциклопедия якутской жизни». Но это было натяжкой, что первым заметил сам писатель, поскольку какая может быть энциклопедия жизни, если о коренном и главном народе Якутии — самих якутах — было сказано не в полной мере... Этот пробыл успешно преодолен во второй редакции романа-эпопеи, о чём будет сказано ниже. А пока...

Пока обращаю внимание читателей на зачин, заповь романа, от которого зависит очень и очень многое, если не всё:

«Белокурая женщина двадцати с небольшим лет, в элегантном, домашнем, сшитом из тонкого бархата халатике светло-жёлтого цвета, так идущего к её слегка смуглому, трогательно нежному лицу, с тонкими, словно вырезанными мастерски скальпелем тёмными бровями-скобками, с сочными чувственными губами, — сидела на деревянной, двуспальной кровати, аккуратно застеленной жаккардовым светло-коричневым одеялом, в небольшой, но уютной, только что убранной до блеска спальне. Она держала в тонких, с длинными, как у одарённых музыкантов, пальцами, пришедший с утренней почтой последний номер журнала "Работница". И, неспешно перелистывая страницу за страницей, с глубоким интересом рассматривала чертежи кройки понравившегося платья. В разрисованное льдистыми причудливыми узорами довольно широкое окно, выходящее на сосновый бор, вечернее зимнее солнце всё скупее и скупее бросало тусклый, словно подслеповатый свет. С началом ранних синих сумерек, быстро сгущающихся до плотной непроглядности, белёсый туман, повисающий на ветвях деревьев белыми клочками вздохмаченной ваты, говорил о том, что на дворе мороз к вечеру не только не ослабел с приходом ветреного февраля, а наоборот, словно решившись дать подступающей весне решительный бой, с каждым часом только крепчал и крепчал...».

Читаешь эти великие строки с удивительной ритмикой, музыкальностью фраз зачина, и перед тобой скульптурно встаёт образ женщины, бывшей на четвёртом месяце беременности, — женщины, пока не названной, — что так и видится, как она поднимается над страницей и смотрит на тебя с доверительной нежностью.

Далее пойдёт ретроспекция — и сюжетный узел романа завяжется с приездом в небольшой якутский городок выпускницы Омского сельскохозяйственного института, агрохимика Марии — кареглазой красавицы, при встрече с которой её будущий руководитель, начальник районного управления «Агрохимии» Анатолий Петрович Иванов, не мог не почувствовать симпатии. Но далее этого ничего пока не возникло: он ещё помнил свой недавний брак не по любви.

А Мария сразу же увидела в своём руководителе человека недожонных способностей, человека, слово которого никогда не расходилось с делом, чего он требовал и от каждого своего работника. Увидела это и полюбила его раз и навсегда.

Ещё большим чувством любви прониклась она к Анатолию Петровичу, когда они как представители райисполкома ехали на праздник якутского народа Ысыах — он же одновременно и якутский Новый год, — и Анатолий Петрович так рассказывал ей о родной якутской земле, точно говорил не о любви к малой родине, а объяснял в чувствах женщине, то есть ей, Марии.

Он выступил на празднике, где присутствовали якуты, татары, башкиры и,

естественно, русские, с речью, которую запомнил превосходными стихами о Якутии, написанными им в дороге:

Идёт буря по меткам крови,
бежит олень — и волки вслед...
Земли якутской нет суровой,
но и заветней — тоже нет.

Она — и дебри, и потоки,
весной сбегающие с гор.
Она — растягивает сроки
зимы до самых летних пор...

На пять минут здесь больше в часе,
на сто здесь больше вьюжных дней.
Коней здесь больше на аласе,
чем там, в степи, у вас коней...

Она — гостей встречает щедро,
а бьёт — так со всего плеча.
Отдаст свои в алмазах недра
и золотой запас — ручья.

Из глубины поднимет рыбу,
нальёт кумыс на торжествах...
И не растает мёрзлой глыбой
в горячих будущих веках.

Не суетой здесь каждый занят,
Не мельтешеньем там и тут, —
здесь люди времени не знают,
здесь люди вечностью живут!

От этих стихов слушатели пришли в неопределимый восторг, но более всех впечатлилась сама Мария.

Да, она любила Анатолия Петровича, но иное дело он сам: ожёгшийся один раз, он не мог полюбить быстро, как это произошло с Марией, и потребовалось немало времени, чтобы, в конце концов, он понял, что может себе без всяких обиняков сказать: «Я люблю эту женщину».

Этот момент совпал с предложением первого секретаря райкома поехать в лежачий совхоз «Ньюский», чтобы, возглавив его, попытаться навести там порядок. Анатолий Петрович согласился, сказав, что к осени сделает хозяйство прибыльным, но поедет на работу с одним условием: в этот же день их распишут с Марией, о чём она даже и не догадывалась.

Условие было выполнено, их распишали, и в этот же день произошло событие, которое едва не привело к разрыву, — но приводит здесь эти строки нет смысла, ибо, вырванные из контекста, они не произведут на читателя должного впечатления.

Приехав в совхоз, Анатолий Петрович провёл совещание с сотрудниками и сказал, что завтра все должны выйти на прополку капусты, придут на работу и школьники подшефной школы, и всем работающим будет заплачено. Когда же бухгалтер совхоза сказала, что в кассе нет ни копейки, Анатолий Петрович достал пачку денег, которые он, по его словам, собрал, когда жил один.

Он вышел на прополку одним из первых, и рабочие, увидев его и узнав, что он заплатит им из своего кармана, прониклись должным

уважением, и в их сознании что-то пробудилось, ибо общественный труд становился началом постижения любви к общему делу, чего они не знали при прежних директорах.

И тут хочется обратить внимание читателей на заселение романа многими и многими героями — от молодой доярки Алевтины, главного экономиста совхоза Эльзы Ренатовны Ибрагимовой, «татарки средних лет, невысокой, но ладно скроенной», руководителей района всех рангов, в том числе первого секретаря райкома Скоробогатова, до руководителя сельского хозяйства Якутии, — и все они соединены в единую духовную цепочку с одним общим звеном, имя которому — работа во имя процветания Якутии.

Здесь и человек сильного характера — начальник речного порта Евгений Иванович Каминский, от решений которого очень многое зависело в приленских хозяйствах. И всемогущий, с непрекаемым авторитетом, начальник «Сельхозтехники» Геннадий Трифионович Наумов. Каждый из них — человек, выше своего ценивший в других деловые качества, коими в высшей степени обладали они сами. Под стать был и Капитон Архипович Ощепков — бригадир отделения, мужчина, как пишет Иван Переверзин, «чистой якутской крови, ростом под два метра, с жесткими, как конская грива, чёрными, коротко стриженными волосами...».

Обращаю внимание читателей, как точен писатель в изображении портрета своего героя, — здесь угадывается его вторая профессия — скульптор, коим он хотел стать, но победила литература, — зато скульптурность языка, слова в полной мере освоена им.

И даже баба Тося — героиня эпизодическая — изображена так ярко, с такой душевной теплотой, что она, с одной стороны, усиливает эмоциональный фон романа, а с другой, этот, как и другие подлинные ему эпизоды, превращает роман в истинно народное произведение. Баба Тося во время войны работала в пятигорском санатории, переоборудованном в госпиталь, старшей медсестрой и взяла на себя материнские хлопоты, говорит писатель, над молодым лейтенантом Петром

Ивановым, который был тяжело ранен: искалечен минным осколком, разорвавшим скулу и прошедшим в каком-то миллиметре от гортани. «За время длительного лечения, — говорится далее в романе, — вдова командира полка и будущий отец Анатолия настолько сблизились духовно, что она назвала Петра своим сыном».

Такое нельзя придумать — здесь сама живая народная жизнь пришла на страницы романа, одухотворяя его и давая ему подлинно народное дыхание.

Если же говорить о духовности в целом, то это народный якутский праздник Ысыах через души слушателей накрывает своим духовным полотном весь простор якутской земли.

В самом названии романа-эпопеи — «На ленских берегах» — суть творческого замысла писателя, ведь всё его огромное полотно и служит постепенному, почти ещё не ощущаемому ни героями, ни тем более нами, читателями, — от страницы к странице — возникновению чувства не только симпатии, но и любви между Анатолием Петровичем и Марией. Это же относится и к социальным коллизиям, разворачивающимся на предпроектной земле, кою писатель через неординарный характер Анатолия Петровича изображает с такой яркостью, что, читая это многоплановое художественное полотно, уже и сам погружаешься в этот непродуманный мир, постигая и суровую землю якутскую, и её трудолюбивых людей, не утративших вековые народные традиции.

И тут возникает настоятельная необходимость для акцентирования внимания читателей на важнейшей детали: постижение сущности характеров — а роман щедро заселён совершенно не похожими друг на друга героями — событий, явлений, самой природы якутской земли в произведении — процесс сложный и непрерываемый, — отсюда и его духовная цельность.

И чтобы этот процесс был принят читателем с глубочайшим интересом, то есть после прочтения уже первой страницы он и не мыслил бы не дочитать романа до конца, понадобилось огромное разнообразие стилистических и образных средств — от метафор, олицетворений, ярких эпитетов, стилистических конструкций с сочинительной и подчинительной связью и, может быть, самое существенное: Анатолий Петрович наделён поэтическим даром. И идут по всему роману его стихи, и там, где прозаическое слово становится бессильным, слово поэтическое даёт своё дыхание каждой новой странице, особенно в моменты столкновения характеров или на тех страницах, где разворачиваются пейзажи земли якутской, — вот здесь поэтическое слово незаменимо, и оно верно служит преобразению в изображение этих красочных пейзажей.

Иван Переверзин — поэт, и лучшие стихи он отдаёт своему главному герою Анатолию Петровичу. Может быть, в том и состоит уникальность романа, что впервые в отечественной литературе писатель вводит в текст стихи, без которых постигнуть всё то сложное, что наполнило структуру романа, было бы просто невозможно, ибо роман был бы оголён, а развитие характеров, их нарастающих чувств задохнулось бы на прозаическом слове, сколь ни талантливым оно было бы, как в романе Ивана Переверзина.

Проза поэта — явление особенное; мы знаем прозу Александра Пушкина, прозу Ивана Бунина. В 21-м столетии читатель знакомится с прозой поэта Ивана Переверзина, который продолжает и развивает их традиции. Развитие это отличается тем, что оно происходит в ситуации на порядок выше той обстановки, в которой творили его великие предшественники: